

О природе слова и о сущности интонации

Слово мы понимаем совсем не так, как Господь и апостолы.

Мыслим его как некую безынтонационную абстракцию. А должны мыслить интонационно.

Встречаются слова сухие, компьютерные, вялые, безжизненно-безразличные. Но ведь и сухость, и безразличие — тоже интонация. Так что безынтонационного слова не бывает.

А какое оно бывает? Каким создал его Бог?

«От избытка сердца глаголют уста», — такова открытая нам глубина слова. Устами артикулируется фонетическое слово. Но оно погружено в сердечную бесконечность интонации.

Буква, выражающая лишь фонетическое слово, по апостолу Павлу, делает мертвящими даже слова Писания. Убивающая сила буквы основана на таком удерживании восприятия на уровне понятийно-рассудочного значения фонетических, как бы безынтонационных слов, которое препятствует раскрытию в их духовно живой смысл — смысл Божественной любви, которым только и может жить сердце.

«И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1, 14). В греческом языке

слово «харис» (благодать) со времен Гомера имело тройственное значение — любви, красоты и милости. Оно было до беспредельности расширено воплотившимся Словом Божьей любви. Его слово, полное спасительной, воскрешающей нас красоты и любви, так адекватно и должно пониматься. Могучее слово было засеяно на поле мировой истории, им взошла великая культура, зовущая всех людей в радость открывшейся жизни с Богом и в Боге. Из Слова Божия родилась и прекрасная музыка христианской цивилизации.

Напротив, всякий иной, в частности буквалистски-рассудочный, безынтонационный (на деле сухоинтонационный, без любви), способ понимания являет собой глумление над Божиим словом. Понятно тогда, почему апостол столь решительно называет буквы Писания смертоносными.

Интонационная сторона слова способна придать фонетическому слову и понятию бесконечное множество любых смыслов, даже противоположных его понятийному содержанию.

О специфическом содержании музыкальной интонации

Две тысячи лет музыка искала возможность возвыситься до способности принять в себя бесконечную красоту Божественного слова — жертвенной любви Христовой, всех возводящей на Небо и спасающей в вечности... И силой Божией достигла сего: ее неумирающая красота стала интонационной проповедью Евангелия.

Великий педагог Ушинский объяснял действие красоты прямым раскрытием истины в сердце. Раскрытию Божественной истины в сердце и служит музыкальная интонация высокого искусства, передающая восхитительную чистоту и кротость, страх Божий и окрыление духа, чувство вечности и мир души вместе с духовной ревностью и отвагой и иные чудеса, которыми славится Бог в сердцах христиан и всех людей, ибо, по слову Тертуллиана, “всякая душа— христианка”.

Излучение красоты как явления славы Божией стало основным содержанием, целью и смыслом высокой музыки. Музыкальная интонация, выросшая из речевой, ее прояснила в такой степени, что ей стал подвластным весь избыток сердца, о котором говорит Господь.

Что там, в избытке? Воспроизведем обширнее мысль Божию: «...от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое» (Мф. 12, 34-37).

Какой же пример приведет Господь? Он озадачивает: праздное слово! Разве оно не безобидно? А Господь предостерегает: за него придется ответить на страшном суде. «Праздный» и на церковнославянском, и по-гречески значит «ленивый». Праздные, это не столько лишние фонетические слова (как можно подумать), но скорее слова пустые, не наполненные живым смыслом, не вынесенные из истинной сокровищницы сердца, слова без веры и вдохновения.

И именно это преступное распространение равнодушия и неверия в обществе составляет поистине тягчайший грех — соблазнение людей на неверие.

Неверие ленивого сердца — из злого сокровища — и есть следствие корневого греха гордыни. Особенно преступно ленивое слово, когда оно о святом. Что значит заповедь, данная через Моисея: не произносить имени Божие всуе? Всуе — значит из злого сокровища неверия.

И совсем страшно, когда небрежно-расслабленным треньканьем под гитару сопровождается слово святое. Если так страшна пустота расслабленного неверия, что же тогда говорить об интонациях разнуданных, лживых, сатанически злобных и заражающих сердце энергиями тьмы?

Вслед за Господом последуем далее в сокровищницу сердца. Что есть сокровище? То, в чем человек полагает вожделенную цель жизни. Ради чего он фактически (а не в мечтах) живет. Для Бога ли и людей живет? Или эгоистически для себя?

Цель определяет вектор жизни, ее направление. Следовательно, в ней в свернутом виде содержится жизненная программа, стратегия жизни в веке сем и будущем. Стратегия жизни отдельного человека, поколения, народа, человечества.

Стратегия жизни — последнее, главное, самое глубокое содержание интонации. Таких стратегий две. Музыка их поляризует, поляризуя ныне и общество.

Первая стратегия, характерная для высокой музыки и высокого искусства, — стратегия воскрыления сердца к истине. Человек создан для бессмертия. Образ Божий, вложенный в нас, содержит в себе нашу будущую нетленную красоту, которую мы, однако, должны выбрать непринужденно, по своей свободной воле и подтвердить усилиями жизни.

Потребность в Боге, в вечности, в истине, совершенстве, в любви и красоте, справедливости заложена в нас в качестве высшей потребности, без удовлетворения которой жизнь лишается смысла. Горение образа Божия в человеке также поддерживается классической музыкой.

Творениями Баха, Моцарта, Бетховена, Чайковского, Рахманинова и других гениев человечества победно утверждается в жизнеощущении общества призвание человека к вечности, к бесконечному совершенству, которое тревожит совесть, побуждая к предельному вдохновенному усилию творческой жизни.

А каковы цель и стратегия, характерные для низких сфер жизни и искусства? «Сказал я в сердце своем о сынах человеческих, чтобы испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе — животные», — читаем мы в Библии (Еккл. 3, 18). Отсюда простой дьявольский рецепт превращения человека в обезьяну: нужно отрезать его от неба — и он оскотинится сам.

Посмотрим теперь, что происходит при выборе полярных стратегий с сущностными силами души.

Две стратегии жизни их по-разному настраивают. Если человек с огненной ревностью устремлен к совершенству, к истине, любви и красоте, то и ум раскрывается, и сердце готово к небесным восприятиям, и воля становится пламенной, вдохновенной, ликующей, жаждущей и сердца ближних расправить в свободу истины и любви

И внимание становится сердечным светлым вниманием к истине и вырастает в ее масштаб, масштаб беспредельности. Эта настройка сил души тут же отпечатывается в возвышенной интонации классической музыки. Взгляните на «Сечу при Керженце» Римского-Корсакова: сердце горит отвагой, слышен конский топот, удары сабель, а над всем плывет жертвенная любовь, в которой и жалость, и бесконечная широта сердца, и великодушие даже к врагам.

Обратите внимание: ни малейшего остервенения под маской протеста. Низовая антикультура настраивает ум, сердце, волю, вспомогательные силы противоположным образом. Воля, к примеру, перестает быть ликующе-светозарной: она мрачнеет, озлобляется, становится холодной, железной, стальной, — волей насильника, стремящегося размазать противников.

Металл по видимости — и фанера изнутри. Ибо таков сам дьявол, пустой изнутри. И внимание перестает быть сердечным вниманием к свету. Теряя царственную силу свободы, оно влечется дьяволом к грязи, безвольно липнет к экранам телевизоров, к компьютерным стрелялкам, к бесцельным информацион-

ным развлекалочкам, к рабскому подчинению современным массовикам-затейникам поп-культуры.

Поднимемся от психических сил к духовным. Не буду подробно иллюстрировать действие на них двух избираемых стратегий. Всякий легко ответит сам себе, что происходит под влиянием противоположных стратегий с такими проявлениями духа в человеке, как жажда Бога, совесть, страх Божий. И как эти духовные свойства отражаются в полярных родах музыки.

Взойдем и выше. Как избираемое сокровище сердца сочетается с добродетелями веры, надежды и любви? Вера, действующая любовью, полная доверия и упования, являет собой реальность соединения человеческого духа с Богом. Ее действующими силами являются молитва и исполнение заповедей.

К чему тяготеет душа человека? Какова вера тех, кто следует разным стратегиям, — вера не мечтательная, не декларируемая ради самоуспокоения, а реальная, которой на самом деле живет человек? Что же находится на вершине великой музыки? Она — не чисто земное предприятие. Мы часто говорим о ее божественной, небесной красоте — той красоте, от которой на глазах выступают слезы неместимой полноты нездешней радости.

В такой музыке проступают черты характера Божия, положенные в закон мира, чтобы мы радовались и влеклись к неземному. Св. праведный Иоанн Кронштадтский говорил, что в песнопениях церковных по всему их пространству движется дух Истины. Он же

говорил о том, что луч благодати может касаться и светских произведений.

О призывающей благодати Божией говорили и другие святые. Святой Игнатий Брянчанинов писал художнику К.П. Брюллову: “Всякая красота, и видимая, и невидимая, должна быть помазана Духом, без этого помазания на ней печать тления; она, красота, помогает удовлетворить человека, водимого истинным вдохновением. Ему надо, чтобы красота отзывалась жизнью, вечною жизнью.

Когда же из красоты дышит смерть, он отвращает от такой красоты свой взор.” По всему интонационному пространству музыки может двигаться и иной дух, лукавый.

Русский народ назвал его тошным духом. От его мути пробуждаются в душе странные силы, заставляющие подростков бессмысленно потрошить железнодорожные вагоны, сквернословить, затевать драки. Его действие мы узнаем и в непросветленности лиц. Вся описанная выше глубина стратегической установки жизни вместе с действием нездешних сил редко формулируется в словах, да и не может в них быть до конца схваченной. Зато она с непосредственностью выражается во взгляде, походке, во всем интонационном облике человека. Она же совершенным образом запечатлевается музыкой.

Музыке дана власть выражать и формировать генеральную программу жизни уже с пренатального (внутриутробного) ее периода. Возьмем упоминавшуюся интонацию распущенности. Она входит в че-

ловека с колыбели. Разве это малость? Не преступление ли это пред человечеством? Из нее вырастают многие грехи — от блуда и наркотиков до цинизма, всеобщего предательства и воровства.

Интонация устроена как голография. Ее общий смысл воспроизводит себя в мельчайших ее частицах вплоть до поведения квазигармоник (антигармонии). И эта цельность, воспроизводящая себя в каждой из деталей, бывает двоякого рода. Либо с раскрытием образа Божия мы устремляем сердца в союз добродетелей и крепость бытия («плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5, 22-23), либо, с отказом от действия славы Божией в нас, нас увлекает в водоворот круговая порука пороков, некое месиво с предрасположенностью к наркотикам, скотскому сексу и ожесточенности.

В побасенке Чапека маленькая трещинка в стене говорит: «Чем бы я мечтала быть? О, я мечтала бы быть небывалой, всеохватной трещиной». Генеральная трещина прошла через все бытие. И теперь жаждет пройти через Церковь. Поворот штурвала интонации меняет общество тотально: в его политическом, хозяйственном, образовательном, культурном и всех прочих измерениях.

Следовательно, меняет и Церковь. Конечно, не ту невидимую, которую, как свою Невесту, знает Бог, а реальное состояние людей, считающих себя православными. Изменение духа эмпирической церкви есть та цель, в которую более всего метит дьявол.

Ведь если вспомнить все, что говорилось о внутреннем смысловом устройении интонации, то его мысль становится даже и в логическом плане совершенно понятной.

Вера и богословие, взошедшие на фундаменте рок-интонации, неминуемо окажутся совершенно иными в сравнении с теми, которые произрастали из интонации ангельской чистоты.

Протоиерей Александр из Почаева провел наглядный интонационный эксперимент: подставил слова «Священной войны» А. Александрова под песенку «В лесу родилась елочка». Добавьте сюда легкий свинг — и слова становятся издевательски противоположными по смыслу. А если так лукаво распеваем святые слова?

Уступка молодежному вкусу, небольшая синкопа, — она мгновенно дают оттенок неверия, подтрунивания, несерьезности, как бы условности святого слова. Могут возразить: но мы же не слышим лукавствия интонации — значит, его и нет. Не так! Онтологически оно не исчезает. Интонация — документ, документально запечатленный избыток сердца. Наша же цель — идти к чистоте. Только чистота хранит Церковь.

Можно ли представить себе Господа или Богородицу свингующих, с подергивающимися движениями рок-музыки? И нам нужно стремиться к чистоте, ибо только чистому сердцу открывается Бог.

Абсурдно спасать растлением сердечного слуха или безобразием вести к красоте. Мы не умнее первохристиан, которые не подставляли святых слов под исполнительскую манеру песенок Нерона, но отгородились от грязи небесной чистотой, которая дала несокрушимую силу их проповеди и возвела великую культуру. И нам надо так.

*Профессор Московской консерватории
Медушевский В.В.*

